

МИР КАК ТАЛАНТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дяньские бронзы и ханьские печати

Мнимые и подлинные «псевдо-гераклеийские» клейма

Эпонимные традиции Родоса, Милета и Ольвии Понтийской

Новое изображение знака Рюриковича во Владимире

Монетные находки XIII—XIV вв. на караванных трассах Сарайчука

Истоки войны: биологические и антропологические теории

Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ

Редколлегия номера:

ответственный редактор — Николай Д. Руссев (†),

зам. отв. редактора — Владимир П. Кирилко, Михаил М. Чореф

E-ISSN 1857-3533

Stratum plus. No. 6.
Archaeology and Cultural Anthropology

Peace as a Talent of Civilization

Bronzes of Dian and Seals of Han
Imaginary and genuine 'pseudo-Heracleian' stamps
Eponymous traditions of Rhodes, Miletus and Olbia Pontica
New image of the Ruriks' emblem from Vladimir
Finds of the 13th—14th centuries coins on the caravan routes of Saraijuq
Origins of war: biological and anthropological theories
World-system analysis and evolution of early and medieval societies

Editor-in-Charge: Nicolai D. Russev (†),
Associate Editors: Vladimir P. Kirilko, Michael M. Choref

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2024

Stratum plus. Nr. 6.
Arheologie și antropologie culturală

Pacea ca talentul civilizației

Bronzurile Dian și ștampilele de Han
Ștampilele „pseudo-heracleote” imaginare și veritabile
Tradițiile eponime ale Rodosului, Miletului și Olbiei Pontice
O nouă reprezentare a simbolului lui Riurikovich în Vladimir
Descoperirile monetare din sec. XIII—XIV pe rutele de caravane ale Saraichikului
Originile războiului: teoriile biologice și antropologice
Analiza Lume-sistem și dinamica societăților străvechi și medievale

Redactor responsabil: Nicolai D. Russev (†),
Redactori adjuncți: Vladimir P. Kirilko, Michael M. Choref

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2024

Памяти
Николая Дмитриевича Руссева
посвящается

In memory of Nikolai Russev

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

От редакции. Дунайская элегия Руссева. Памяти учёного 15

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Е. А. Соловьева, А. Л. Нестеркина, И. С. Гнездилова (Новосибирск, Россия). Рисуночные изображения на керамических изделиях древней Японии и древней Кореи: образы, сюжеты, интерпретация 21

Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва, Россия). Письмо Орея из Мирмекия 35

А. В. Ковальчук (Москва, Россия). Родосские клейма с поселения «Генеральское-Западное». 41

В. И. Кац. Мнимые и подлинные «псевдо-гераклейские» клейма 53

С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев, М. А. Кудинова (Новосибирск, Россия). Дяньские бронзы и ханьские печати 71

Н. И. Винокуров, С. А. Яценко (Москва, Россия), М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Серия тамг на сосуде с городища Артезиан: контекст находки 83

Д. В. Абрамов, О. В. Данилов (Владимир, Россия). Новое изображение знака Рюриковича в составе граффити на стенах Золотых ворот во Владимире 95

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

П. Н. Петров (Нижний Новгород, Россия), У. Т. Ахметова, М. С. Касенов (Атырау, Казахстан), Н. Х. Биккиняев (Волжский, Россия). Монетные находки XIII—XIV вв. на караванных трассах Сарайчука 103

КРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ

В. П. Кирилко (Симферополь, Крым). Обратная сторона детали: каменная пластика феодоритов XV века 119

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ 141

М. А. Лебедев (Москва, Россия). Администрирование внешней ресурсной базы египетским государством Старого царства: проблема согласования письменных источников и археологии 155

Н. И. Николаев (Николаев, Украина). Общее и особенное в эпонимных традициях Родоса, Милета и Ольвии Понтийской 173

Д. О. Гимранов, М. С. Щур (Екатеринбург, Россия), С. Н. Разумов, В. С. Синика (Тирасполь, Молдова). Погребение кошки золотоордынского времени в кургане на левобережье Нижнего Днестра 185

Л. В. Татаурова, К. О. Сопова (Омск, Россия). Русская керамика Тарского Прииртышья XVII—XVIII вв.: от типологии к хронологии 197

СПУТНИЦЫ КЛИО

С. Б. Боруцкая, С. Ю. Фризен, С. В. Васильев (Москва, Россия). Палеодемографическое исследование Змейского средневекового могильника (Северная Осетия) 211

В. Ф. Кашибадзе (Ростов-на-Дону, Россия), О. Г. Кашибадзе (Нижний Архыз, Россия). Население Нижнего Подонья раннего железного века и его место на феногеографических картах Восточной Европы: одонтологическое исследование 223

Н. А. Лейбова (Москва, Россия), У. Б. Гадиев (Назрань, Россия). Одонтологическая характеристика средневековых ингушей (по материалам склепа Цори) 231

ЭКОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭПОХ

С. М. Слепченко (Тюмень, Россия), А. М. Бутягин (Санкт-Петербург, Россия), С. Н. Иванов (Тюмень, Россия), А. В. Хрусталева (Москва, Россия), В. П. Колосов, Н. М. Милихина (Санкт-Петербург, Россия). Результаты археопаразитологического исследования городища Мирмекий римского времени 243

А. Н. Бабенко, А. С. Алешинская, А. Ю. Сергеев (Москва, Россия), Д. В. Власов (Ярославль, Россия). Археобиологические исследования культурного слоя Московского Кремля XIV — начала XV вв. (Тайницкий сад) 255

«SUMMA TECHNOLOGIARUM»

С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, Ф. С. Татауров (Омск, Россия). «Каков замок, таков и ключ». Запорные механизмы XVII—XIX вв. с русских археологических памятников Тарского Прииртышья 283

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Д. Доусон (Гринсборо, Северная Каролина, США). Истоки войны: биологические и антропологические теории 297

А. А. Банщикова, В. Н. Брындина, О. В. Иванченко (Москва, Россия). От «благородных рыцарей» до «чумы Африки»: сравнительное восприятие арабского населения Танганьики британцами и немцами и фактор колониальной агенды 325

Список сокращений 337

Авторам *Stratum plus* 339

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

Editorial. Russe’s Danubian Elegy. To the Memory of the Researcher 15

SIGNS OF TIME

E.A. Solovyeva, A.L. Nesterkina, I.S. Gnezdilova (*Novosibirsk, Russian Federation*).
Drawings on Ceramics in Ancient Japan and Ancient Korea: Motifs, Compositions,
Interpretation 21

F.V. Shelov-Kovedyaev (*Moscow, Russian Federation*). The Oreios’ Letter from Myrmekion . .35

A.V. Kovalchuk (*Moscow, Russian Federation*). Rhodian Amphora Stamps from the Settlement
of Generalskoe-Zapadnoe 41

V.I. Kac. Imaginary and Genuine ‘Pseudo-Heracleian’ Stamps53

S.A. Komissarov, A.I. Soloviev, M.A. Kudinova (*Novosibirsk, Russian Federation*). Bronzes
of Dian and Seals of Han 71

N.I. Vinokurov, S.A. Yatsenko (*Moscow, Russian Federation*), M.M. Choref (*Nizhnevartovsk,
Russian Federation*). Tamga Series on a Vessel from Artezian Hillfort: Context of
the Artifact 83

D.V. Abramov, O.V. Danilov (*Vladimir, Russian Federation*). New Image of the Ruriks’
Emblem Discovered in Graffiti on the Walls of the Golden Gate in Vladimir 95

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGES

P.N. Petrov (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*), U.T. Akhmetova, M.S. Kasenov (*Atyrau,
Kazakhstan*), N.H. Bikkinyaev (*Volzhsky, Russian Federation*). Finds of the 13th—14th
Centuries Coins on the Caravan Routes of Saraijuq 103

CRIMEAN ETUDES

V.P. Kirilko (*Simferopol, Crimea*). The Reverse Side of the Detail: Stone Sculpture of the
Theodorites in the 15th Century 119

RESEARCH AND PUBLICATIONS

N. N. Kradin (*Vladivostok, Russian Federation*). World-System Analysis and the Dynamics
of Ancient and Medieval Societies 141

M.A. Lebedev (*Moscow, Russian Federation*). Management of the External Resource Base
by the Old Kingdom Egyptian State: the Issue of Reconciling Written and
Archaeological Sources 155

M.I. Nikolaev (*Nikolaev, Ukraine*). Common and Special in the Eponymous Traditions of
Rhodes, Miletus and Olbia Pontica 173

D. O. Gimranov, M. S. Shchur (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **S. N. Razumov, V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **Cat's Grave of the Golden Horde Time in a Kurgan on the Left Bank of the Lower Dniester** 185

L. V. Tataurova, K. O. Sopova (*Omsk, Russian Federation*). **Russian Ceramics of the Tara Irtysh Region in the 17th—18th Centuries: from Typology to Chronology** 197

CLIO'S COMPANIONS

S. B. Borutskaya, S. Yu. Frizen, S. V. Vasilyev (*Moscow, Russian Federation*). **Paleodemographic Study of the Zmeysky Medieval Burial Ground (North Ossetia)** . . 211

V. F. Kashibadze (*Rostov-on-Don, Russian Federation*), **O. G. Kashibadze** (*Nizhny Arkhyz, Russian Federation*). **The Population of the Lower Don Region in the Early Iron Age and Its Location on Phenogeographical Maps of Eastern Europe: A Dental Study** . . 223

N. A. Leibova (*Moscow, Russian Federation*), **U. B. Gadiev** (*Nazran, Russian Federation*). **Nonmetric Dental Traits in the Medieval Ingush Population (Based on Materials from the Tsori Crypt)** 231

ECOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL INDICATORS OF EPOCHS

S. M. Slepchenko (*Tyumen, Russian Federation*), **A. M. Butyagin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **S. N. Ivanov** (*Tyumen, Russian Federation*), **A. V. Khrustalev** (*Moscow, Russian Federation*), **V. P. Kolosov, N. M. Milikhina** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Results of the Archaeoparasitological Study of the Roman Settlement of Myrmekion** 243

A. N. Babenko, A. S. Aleshinskaya, A. Yu. Sergeev (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Vlasov** (*Yaroslavl, Russian Federation*). **Archaeobiological Research of the Moscow Kremlin Cultural Layer of the 14th — Early 15th Centuries (Taynitsky Garden)** 255

“SUMMA TECHNOLOGIARUM”

S. F. Tataurov, L. V. Tataurova, F. S. Tataurov (*Omsk, Russian Federation*). **“Like the Lock, Like the Key”. Locking Mechanisms of the 17th—19th Centuries from the Russian Archaeological Sites of the Tara Irtysh Region** 283

CULTURAL ANTHROPOLOGY

D. Dawson (*Greensboro, North Carolina, USA*). **The Origins of War: Biological and Anthropological Theories** 297

A. A. Banshchikova, V. N. Bryndina, O. V. Ivanchenko (*Moscow, Russian Federation*). **From “Noble Cavaliers” to “The Plague of Africa”: Comparative Perception of the Arab Population of Tanganyika by the British and Germans and the Factor of the Colonial Agenda** 325

Abbreviations 337

Submissions 339

М.Е. Ткачук

Дунайская элегия Руссева *

Вечером, 13 ноября 2024 года, на 67 году жизни ушел из жизни Николай Дмитриевич Руссев. Доктор хабилитат исторических наук. Профессор. Историк и археолог. Выдающийся исследователь и педагог. Один из основателей Высшей Антропологической Школы в Кишиневе, журнала *Stratum plus*, бессменный редактор всех ежегодных шестых номеров с 1999 года.

Николай Дмитриевич ушел настолько стремительно и скоропостижно, что все самые тяжкие и горестные накаты переживаний от случившейся утраты еще предстоит пережить. Ощущение его присутствия, его живого соучастия в наших общих планах и текущих делах остается неизменным. Сам этот номер он успел лично отредактировать. Оставалось дело за малым — за вступительной статьей. Ее он написать не успел.

Ощущение жизненности, полноты и продолжения его дела настолько остаются сильными, что никто из нас — его ближайших коллег и друзей — не желал писать некролог о Николае Дмитриевиче. Мы же еще не обсудили и малую толику его последних идей и предложений. К примеру, о том, как мы правильно отметим дату 25-летия нашего журнала, как соберемся все вместе — нашей большой международной редакцией и редакцией, как организуем долгожданную и разноязыкую конференцию, как возобновим учебный процесс в Высшей Антропологической Школе, как организуем семинар по исторической урбанистике, как издадим книгу о городищах, крепостях и городах по Днестру, как объявим новую программу исследования этногенеза восточных романцев, как выпустим специализированный шестой номер по тюркскому наследию Буджак — от гуннов и аваров до Буджакской Орды...

Именно поэтому мы приняли решение, вместо некролога, перепубликовать относительно недавнюю статью, посвященную живому Николаю Дмитриевичу Руссеву, такому, каким он навсегда остается для научного сообщества, нескольких поколений его учеников и студентов, его коллег и близких друзей.

Известна мысль о том, что всякий писатель, о чем бы он ни брался писать, в конечном счете, пишет о себе. К историкам это наблюдение применимо в самых редких, исключительных обстоятельствах. Не то чтобы мы в этих случаях говорили о какой-то специальной профессиональной высоте. Это речь об уровне, не о компетенции.

История как знание, как наука, как дисциплина, в отличие от художественной литературы, заключена в куда более жесткие границы канона. Неважно, как эти процедурные, технологические требования к исследова-

нию выглядят. Важно, что они просто есть. И это почти исключает всякую возможность увидеть за результатами исследования — самого автора. Не просто поймать авторский стиль, узнаваемую манеру изложения, а заглянуть глубже — в неосвещенное нутро мотивов историка, заставляющих видеть прошлое так или иначе, обращаться именно к этим темам, а не к иным, раскрывать их тем способом, а не иным.

Вряд ли писательский вклад будет оценен, если автор ограничится устным сообщением о придуманном им оригинальном сю-

Впервые статья была опубликована в сборнике научных работ посвященном 60-летию Николая Дмитриевича Руссева. Ткачук М.Е. 2019. Дунайская элегия Руссева. В: Ткачук М.Е., Атанасов Г.Г. (ред.). В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д.Руссева. Серия «Библиотека Stratum». Кишинев: Stratum plus, 13—18.

жете, неожиданных и нетипичных героях, на пальцах объясняя, как будет это все выглядеть в ипостаси художественных образов. Историк же просто может найти нужный ему источник в архиве, иначе сопоставить факты, заполнить прореху в череде событий, сделать про это короткий научный доклад, минут на пять — и все! Даже, быть может, и статьи никакой научной писать про это не будет. Как это ни странно, текст как продукт далеко не обязателен.

И только в самых редчайших обстоятельствах мы от историка ждем именно текста, специального эксклюзивного блюда, в котором заранее важно и одновременно непредсказуемо всё — и сама поставленная проблема, и найденные на самом видном месте источники, и способ такого диалога с ними, будто они сами обо всем повествуют, говорят. Говорят ясно, отчетливо, о чем-то самом сокровенном, что именно в этот момент так важно лично для тебя. И пусть ты как исследователь занят совершенно иными эпохами и вопросами, это совершенно не важно. Как неважно, когда ты хватаешь с полки роман или сборник рассказов, написанных из совсем других времен или мест.

В этом смысле историку рассказать какую-то историю многократно сложнее, чем писателю. Когда это не удастся, то получают статьи и монографии. Когда это удастся, то получают книги. Понимаете, такие книги с затрепанными корешками и форзацами, с именами узнаваемых авторов, которые становятся столь же добрыми и надежными друзьями, как рассказы Хемингуэя или Паустовского, романы Маркеса или Платонова. Эткие тексты-медиумы — между тобой и не тобой, которые всегда под рукой, на которых можно положиться. Их можно открывать в любом месте, читать из середины, читать лежа, волнуясь, вскакивать с кровати в поисках сигарет, загигать страницу и записывать, в конце концов, на каком-нибудь дрянном листике очень важную мысль, которая не имеет к прочитанному никакого отношения. Почти nonfiction, но в котором иллюстрации из диаграмм, портретов, корреляционных таблиц, схем, карт, ссылок являются не только ожидаемыми, но и необходимыми усилителями привкуса времени, как добрая специя в восточном блюде, как точная гарантия достоверности.

...Мы познакомились 35 лет назад. В Старом Орхее. Я только-только сдал летнюю сессию, ухитрившись сделать это на месяц раньше сокурсников. Именно благодаря это-

му обстоятельству я успел к началу открытия летнего сезона Славяно-молдавской археологической экспедиции. А ее начальник — теперь уже легендарный Павел Петрович Бырня — принял меня на работу не каким-то там рабочим раскопа, а целым лаборантом.

Ну а как он меня мог не принять? Шансов у него не было. Мне было почти 18 лет. Я был отличник. И это была уже моя третья экспедиция. Представляете, третья! То есть, я был уже, можно сказать, матерый полевик, умел зачищать раскоп, ловить пятна, расчищать ямы и погребения. Примерно так я о себе думал. О чем с вызовом и растолковал своему будущему начальнику. Я тогда, конечно же, не предполагал, что всю жизнь буду ему благодарен не только за все 16 лет совместной работы, но в первую очередь за то, что он тогда просто не выпер меня из кабинета. Бырня сделал глубокий вдох, снял очки и на выдохе спокойненько так ответил: «Выезжаем через два часа. Вернешься в Кишинев в лучшем случае через два месяца. И то — на пару дней. Мигом за паспортом и рюкзаком. Ждать не будем».

И вот мы уже в Требуженах. Тентованный ГАЗ-54 виртуозно влетает в узкие каменные ворота церковного двора, где расположилась экспедиция. Всё происходит стремительно. Пяти минут не прошло, а битком набитый грузовик уже разгружен. Пирамида въючных ящиков, палаток, спальных мешков, картонных коробок с консервами и подсолнечным маслом — всё это только-только выросло прямо в центре экспедиционного двора и тут же разносится по разнообразным сусекам немногочисленными обитателями лагеря. Организовано. Слаженно. Мой первый новый приятель — будущий друг и коллега на всю жизнь Роман Рабинович — пользуясь случившимся преимуществом, знакомит меня со всеми остальными.

— А вот это одесский историк Николай Руссев! — сказал он.

Рабинович сказал именно так. Не школьный учитель из Одессы. Не археолог, проработавший уже с десятком полевых сезонов в разных причерноморских экспедициях, но остающийся обычным преподавателем истории. Историк!

Историк Руссев, кажется, был единственным человеком, который, в отличие от остальных, не суетился, не хватал под руки ящики и тюки. Он стоял неподалеку и грыз семечки, сосредоточенно перебирая указательным пальцем мелкие черные зерна на широкой ладони.

Массивный, широкоплечий, ужасный. Все лицо исцарапано глубокими бороздами со следами спекшегося йода. Руки до локтей в ссадинах и столь же безжалостных царапинах и ушибах. Надорванные джинсы были прикрыты стильными латками, вырезанными в форме греческих амфор. Но было ясно, что маскируют они не просто разрывы ткани, а последствия какого-то случившегося поединка. Весь вид этого одесского историка свидетельствовал о том, что мы ничего не знаем о фауне Оргеевских Кодр. Ведь так мог выглядеть только человек, недавно сразившийся с каким-то реликтовым хищником — медведем или рысью.

Историк Руссев отряхнул ладони. Подошел. Улыбнулся.

— Пацаны, отойдите, — сказал он. Крякнул. И легко взвалил на себя 40-литровую флягу с ацетоном.

— Это он с велосипеда упал, — объяснил Рабинович. — Катился под горку, цепь слетела. Скорость сумасшедшая. Пришлось ногу в спицы совать. Велосипед в узелок. А Руссев — спасся.

Прошла неделя-другая налаженной экспедиционной жизни. Почти всё так же, как везде, в других экспедициях. Чуть больше дисциплины и порядка. Но сам порядок примерно одинаковый. Ранний подъем, завтрак, по машинам, часов семь на раскопе, обратно в лагерь, обед, сиеста в палатке или где-нибудь в тени часа на полтора, потом шифровка и описание находок, ужин, пара часов на неторопливый треп на кухне за чаем, отбой.

Этой привычной картине не соответствовал только Руссев. Никакого сладкого и заслуженного послеобеденного отдыха. Стол и стул под абрикосом. Стопка книг. Ворох бумаг. Руссев пишет. Сосредоточенно. Неторопливо. День за днем. Откладывая заполненные красивым почерком страницы в толстеющую на глазах папку. В этот момент он был похож на кого угодно, но только не на историка и не на археолога. Он пишет почти набело, без стопки картотечных шпаргалок. Так пишут либо письма, либо романы. Но только не научные статьи. Так мне тогда казалось.

— Николай Дмитриевич, а Вы ссылок, что ли, совсем не делаете? На библиографию? На источники? — спрашивал я, полагая, что как бы знаю, как именно следует писать зубодробительные, непроизносимые вслух научные тексты.

— Сноски? Ссылки? Потом вставлю. В Одессе. На это там у меня времени хватит.

А вот написать осмысленную историю там не получится.

— Можно почитать?

— Нет. Закончу. Тогда — да. Вот можешь взять мою недавнюю статью. — Он протянул такой пухлый коричневый сборник.

«О западных пределах Золотой Орды» — так называлась статья. Я посмотрел на дату выхода сборника, прибавил еще пару лет. Получалось, что Николай Руссев написал ее чуть ли не в моем возрасте, будучи студентом.

— Ну да, на третьем курсе написал, — ответил он.

Когда ты точно знаешь, кем собираешься быть, ты ревниво следишь за успехами своих сверстников на том же поприще. И, увы, далеко не всегда глубокий интерес к предмету заставляет тебя читать их научные тексты. Порой ты просто сравниваешь себя, свою оптику и навыки с теми, на кого равняешься, кого хочешь опередить. И пусть совершенно глупо и бессмысленно само это соревнование, но я в нем тогда, кажется, участвовал. И наличие настоящих научных публикаций вот в таких толстых, ротапринтных сборниках со скучными и длинными названиями — было твердым критерием яркого успеха. Меня совершенно не интересовала история и археология «Золотой Орды», я занимался славянами, но я взялся читать статью. Нет, не Руссева, а почти своего сверстника. Чего это он там тогда написал?

Я теперь совершенно убежден, что эта небольшая статья принципиально развернула мое формирующееся исследовательское видение. И дело не в том, что с этого момента я стал внимательнее относиться к событиям и реалиям XIII—XIV веков. Хотя это тоже было. Спустя пару месяцев я отважился и написал длинный текст, посвященный этому времени: «О причинах образования золотоордынских городов в Днестровско-Прутском междуречье». Так он назывался. А мысль была проста, хотя и банальна в каком-то смысле. Мол, к первым десятилетиям XIV века Орда уже была не способна на экспансию, на дальнейшее расширение. Равновесие Востока и Запада привело к кратковременному изменению инструментов ордынского влияния. Торговля — вместо завоевания, вынос городов к западным пределам — вместо военных контингентов. Говоря современным языком, ассоциированное партнерство — вместо полноправного членства, глубокая и свободная торговля как «мягкая сила» и способ удерживать восточные Балканы в «узде».

Но обаяние этой ранней публикации Руссева состояла в ином. В том, что потом станет его фирменным стилем на многие десятилетия вперед.

Композиция любой научной публикации на стыке письменных и археологических источников до сих пор напоминает заключение медицинского консилиума. Чего-то там вначале про историю болезни, потом — анализы, потом про заключение профильных специалистов и, наконец, диагноз. Иными словами — беглый анализ историографии, потом столь же лоскутная презентация письменных источников, дальше — описательное, не структурированное изложение археологических данных, скромный вывод, сделанный под местоимением «мы» и украшение в виде заглавия, начинающегося с известного «К вопросу о...». При этом письменные свидетельства всегда воспринимаются в качестве своеобразных источников прямого действия — однозначных и основных, а археологические — некая вспомогательная, второстепенная иллюстрация.

Для Руссева все иначе. Сначала ставится вопрос, то есть проблема! Перед лицом новой задачи все источники — и письменные, и археологические — равны в своей непроницаемости. Их содержание может быть сколь угодно очевидным ровно до тех пор, пока ты их ни о чем не спрашиваешь. Этакое банальности, нанизанные на исследовательскую эрудицию и любопытство.

А вот спрашивать — означает совершить над источниками некое упорядочение — контент-анализ, картографию находок, их корреляцию, наложить одну картину на другую и получить вывод, который будто возникает сам по себе, непринужденно, как некий диалог между письменными и археологическими данными. Сейчас — это уже классическая процедура работы с источниками. Ею с особым мастерством пользовались такие классики, как Марк Борисович Щукин или Дмитрий Алексеевич Мачинский, создавшие не только серию строгих реконструкций событий скифского, предримского, римского и средневекового периода в Центральной и Восточной Европе, а ряд ярчайших образов этих эпох. Образов, которые, скорее, по жанру тяготеют к исследовательским романам, нежели к монографиям. И вовсе не в смысле неряшливости исполнения научной процедуры, некой литературщины, а в смысле эстетического эффекта представленных многомерных событийных картин древности. Они впечатляют.

Именно тогда, в далеком 1984 году, я ощутил, что живу не просто в Молдавии,

не в каком-то Днестровско-Прутском междуречье, а на самом стыке Азии и Европы, у западных пределов Великой Империи Древности. На восточной окраине Запада. Метафора пульсирующего пограничья между глобальными мирами древности, а не просто банальной контактной зоны, навсегда поселилась в моем мозгу. Пограничья, в котором Нижний Дунай окажется вечным Стиксом между верхом и низом евразийских столкновений, инверсий, местом регулярных и несанкционированных переходов inferнальных племен и народов варварского мира в витальное подбрюшье коллективного Запада. А поводом к этому была всего-то впервые представленная Руссевым картография золотоордынских кладов, которая ясно отбивала западные границы политического господства Улуса Джучи. Всё это было на поверхности. Но до него этого никто не делал. Не видел.

Но вместе с этим поселился почти подростковая, имитационная страсть стать не просто археологом, а археологом, способным быть вот таким рассказчиком, уметь не цитировать, а общаться с источниками, строить канву исследования не по принципу экспертного заключения, а драматургического повествования. Таким образом, чтобы внимание читателя не ослабевало, чтобы внутри сугубо научной презентации разворачивался волнующий и далеко не только детективный сюжет. И не во имя каких-то там стилистических красот и натужной публицистичности, а потому, что именно такой видится событийная история, в такие непредсказуемые узлы действительно, по правде завязываются судьбы отдельных персон и народов. Нужно просто научиться такое видеть, находить и описывать. Тогда, в 1984 году, почитывая рукописи 26-летнего Николая Руссева, общаясь с ним, я понял, что писательство — это не то, что разделяет призвание историка и литератора. Это то, что их объединяет. Один открывает часто нелюбимую прошлую реальность, другой открывает и демонстрирует порой отвратительные глубины собственной души. В обоих случаях факт открытия обязателен. Открытие — и критерий таланта, и профессионализма. Придумывание и подделка — и там, и там — не работают в равной степени.

Все статьи и книги Руссева читаются именно так — на одном дыхании. Возможно, оттого, что подобным образом и пишутся. Сноски и ссылки он и сейчас оставляет на потом, скрупулезно ввинчивая их в текст так, чтобы не пострадала сюжетная линия, чтобы не перегружалась ритуальными кивками на автори-

теты. И событийную антологию первых пяти-шести веков второго тысячелетия на пространствах от Крыма до Велико-Тырново, от Клуза до Белгорода-Днестровского уже невозможно представить без собственно руссевского рассказа о них.

Где еще можно прочесть об удивительной, полной авторских ностальгических реплик, дунайской эпопее князя Святослава, для которого возвращение в Киев было попросту невозможным, а желание княжить в Переяславце на Дунае — осталось несбыточной мечтой. В таких категориях и в таких сопоставлениях до зубной боли известные источники еще не общались друг с другом. И полная конфликтов, войн, предательств и смертей хрестоматийная история обретает измерение совершенной иной реконструкции — сложных, взаимоисключающих психологических мотивов, которые владели мятущейся душой тридцатилетнего князя. В итоге совершившего предсказуемое самоубийство, осознанно двинувшись навстречу безоговорочной гибели у днепровских порогов.

Сейчас трудно представить нашу историю без пронизательной и волнующей реконструкции вселенского мора — пандемии чумы, «черной смерти», — погнавшей ханов Золотой Орды далеко на Запад, в безлюдные молдавские Кодры. Именно тут, на берегах Реута, на непродолжительное время возводится новая столица ордынской империи. Строятся капитальные сооружения — бани, караван-сарай, водопроводы, мазары. Именно тут, в Шехр аль-Джедиде — нынешнем Старом Орхее — строится самая большая мечеть между Дунаем и Иртышом, руины которой можно еще рассмотреть в густой и высокой траве.

Без Руссева трудно опознается в истории молдавской государственности в качестве «своего и родного» социальное, культурное и политическое наследие, оставленное монголо-татарами центральной Молдовы. Как всё это наследие гармонично вписалось в институты ранней молдавской государственности? Каков его вклад в то территориальное образование, которое еще долго будет называться «южным краем» или «Цара де Жос» молдавского княжества? Погребение господара Богдана в Радауцах, княжеский перстень с арабской надписью «Аллах» — ключи не только к переводу со славянского на арабский имени господара, но и обратный перевод той сложной, непонятной, но явно бесконфликтной картины вхождения ордын-

ского наследства в фундамент принципиально новой политической конструкции.

От Святослава до Стефана Великого — сотни и сотни публикаций Николая Руссева, образующих витиеватую фабулу смены героев, государств, населения, языков, религий — на всё той же вечной границе «миров и эпох». На той самой границе, где и Николаю Руссеву в печальный момент крушения границ и эпох пришлось сделать свой цивилизационный выбор.

В июльские дни приднестровской войны его призвали доказать свою верность недавно обретенному молдавскому гражданству с оружием в руках. Призывной пункт под Бендерами. Канонада. Вокруг носилки с ранеными, окровавленные бинты. Руссев отказывается брать автомат из щедрых рук организаторов братоубийственной бойни. Он вновь сует ногу в спицы летящего в пропасть велосипеда. Демонстративно разворачивается и бредет пешком обратно, в Кишинев. Истеричные команды немедленно остановиться. Выстрелы в воздух. Никакого впечатления. Руссев уходит с войны. Проявляя редчайшую для тех дней смелость и гражданское мужество.

Спустя лет семь-восемь Руссев — уже профессор Высшей антропологической школы — озадачен новым профессиональным искушением. Он читает курс истории цивилизаций. Он ровным счетом недоволен ни одним из существующих определений «цивилизации». Ни академический, ни житейский опыт не позволяли ему с легким сердцем принять ни одно из них в качестве наиболее полного и адекватного. О чем он, собственно, искренне и жаловался студентам ВАШПа. Пока сама судьба не подбросила ему самый оригинальный ответ.

Мы вместе ехали в Санкт-Петербург, в Институт истории материальной культуры. Там должен был состояться большой и серьезный доклад Профессора Руссева. Про собственноручно доклад Руссев совершенно не беспокоился. Он был написан давно. А вот ко всему тому, что должно было последовать после доклада, Руссев самозабвенно готовился все последние дни. Он приобрел две гигантские канистры какого-то чрезвычайно благородного коньяка, батарею марочных вин, всякие специальные соленья и мясные копчености, которыми славятся болгарские селения Южной Бессарабии. Вне всякого сомнения, доклад мог стать одним из самых выдающихся интеллектуальных событий Санкт-Петербурга. Понимая, что всё это невозмож-

но провезти через Приднестровье, Украину и Беларусь легальным путем, мы заблаговременно упаковали это в некий контейнер, который был сдан в почтовый вагон с эффектной надписью «Книги. Дарение в СПБ-РАН». Книги там действительно были. И занимали почти половину объема всего контейнера. Это были недавно вышедшие номера нашего журнала STRATUM. То есть всё было почестному. Точнее, почти почестному.

Мы с легкостью миновали Приднестровье. На контейнер не обратили никакого внимания и украинские таможенники. И вот мы, наконец, проходим проверку на белорусской станции Мозырь. Тишина. И вот — поезд трогается, движется вдоль перрона! Нас пропустили! Мы с Руссевым ликуем. Но ровно до того момента, пока не увидели на проплывающем мимо нас перроне распотрошенный контейнер, стопки нашего журнала и разоблаченные канистры с коньяком.

Входит проводник. Садится рядом. Тяжело вздыхает. В этот трагический момент он с нами. Он разделяет нашу скорбь.

— Не получилось, — грустно отмечает он. А потом порывисто встает и надрывным рыком народного трибуна заявляет: — Да что это такое? Понастроили границ! Понапридумывали всяких таможенников! Разве это цивилизация? Какая же это цивилизация? Нет! Это — не цивилизация!

— Ну и что такое цивилизация? — не поднимая глаз, вполголоса спрашивает Руссев.

— Как, и Вы не знаете? Цивилизация — это, когда можно договориться! — победно заключает проводник.

С тех пор это определение цивилизации стало базовым для студентов Высшей Антропологической Школы. И оно очень долгое время доказывало свое конкретное, практическое преимущество в сравнении с сотней иных дефиниций. Не исключая, что оно со временем попадет в официальную акаде-

мическую номенклатуру культурологических категорий.

В любой иной стране, кроме Молдавии, Николай Дмитриевич Руссев давным-давно был бы признан выдающимся современником, таким Жаком Ле Гоффом Балкан, своеобразным Николаем Йорга Подунавья и Поднестровья, живым и неунывающим хронистом, хранителем и в определенном смысле очевидцем полутысячелетней истории региона. Истории, которую тут умеет рассказывать, к огромному сожалению, лишь он один. Истории, которую он ежедневно пишет, но которую ему уже почти некому рассказывать. Тут исчезает само историческое действие. Тут не нуждаются более в рассказчиках. Тут не искушаются примерами прошлого. Не анализируют ошибки, не чтят имена. Пограничье миров и эпох вновь превращается в пустыню. Интеллектуальную и человеческую.

Да, по ту сторону Дуная, в той же Болгарии, которая сейчас Евросоюз и Запад, профессора Николая Руссева воспринимают иначе. Там он классик. Несомненно. Но писать и жить он продолжает тут. Потому, что пишет о себе, питая свое аналитическое вдохновение из беспримерной картины разворачивающейся драмы, которой всякий раз находят новые и убедительные аналогии. Было по-всякому. Значит, и будет по-всякому. Такова канва. Таков сюжет. Такова, наконец, интрига!

Настоящий историк всегда пишет о себе. Иногда ему становится тесно и душно даже в широком пространстве исторического повествования. И тогда получают стихи. Хорошие стихи. Как вот это поэтическое признание ещё юного и никому не известного Николая Руссева:

В запале говорим о вдохновенье
И с кулаками прём на подлецов.
Интеллигенты в первом поколенье
С замашками колхозников-отцов.

Mark Tkachuk (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Mark Tkaciuk (Chişinău, Moldova). Doctor of History. Școala Antropologică Superioară.

Ткачук Марк Евгеньевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: m66.tkachuk@gmail.com

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova